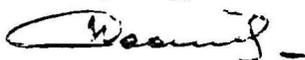


0 · 784025

На правах рукописи



НАСИПОВ Илшат Сахиятуллович

**ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ:
СИНОПСИС И ТАКСОНОМИЯ**

Специальности

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык)

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань–2010

Работа выполнена в отделе лексикологии и диалектологии
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан

Научный консультант: академик АН РТ, доктор филологических
наук, профессор **Закнеф Мирфатых Закнефич**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Насылов Дмитрий Михайлович
(Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

доктор филологических наук, профессор
Тараканов Иван Васильевич (Удмуртский
государственный университет, г. Ижевск)

доктор филологических наук, профессор
Аминова Альмира Асхатовна (Казанский
государственный университет, г. Казань)

Ведущая организация: Татарский государственный гуманитарно-
педагогический университет (г. Казань)

Защита состоится **«14» сентября 2010 г. в 14.00 часов** на заседа-
нии диссертационного совета Д 022.001.01 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора филологических наук при
Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
по адресу: 420111, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31, а/я 263.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной библиотеке
КНЦ РАН (г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31).

Автореферат разослан « 10 » августа 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук



А.А. Тимерханов

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000727819

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Развитие языкознания на рубеже XX – XXI веков характеризуется не только высоким уровнем специализации отдельных его сфер, но и всё более значительным ростом роли контактологии и междисциплинарности, усилением и расширением границ исследований. В то же время далеко не все аспекты языковой системы разработаны в равной степени. Это положение, в первую очередь, справедливо по отношению к самому «живому» и динамичному ярусу языковой системы – лексике.

На территории Урало-Поволжья тюркские народы в процессе своего исторического развития вступали в интенсивные и длительные непосредственные контакты с финно-угорскими народами, прежде всего с удмуртами, марийцами и мордвой. Их многовековые политические, экономические и культурные взаимоотношения нашли отражение в словарном составе этих языков в виде заимствованных слов, наложили отпечаток на все области жизнедеятельности, в том числе на их этнический колорит.

Вопросы языковых контактов тюркских народов с финно-угорскими затронуты в исследованиях как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Наиболее изученными являются тюркские заимствования в марийском и удмуртском языках, наименее – в мордовских. Согласно исследованиям, тюркскому влиянию в наибольшей степени подверглись марийский и удмуртский языки. При этом отмечено, что в марийском языке влияние тюркских языков более значительно, чем в удмуртском. Так, в марийском языке зафиксировано более трех тысяч лексических единиц, в удмуртском – около двух тысяч, а в современных мордовских языках – около четырехсот лексем тюркского происхождения (Н.И. Исанбаев, И.В. Тараканов, Н.В. Бутылов). В восточных финно-угорских языках тюркских заимствований, возможно, было значительно больше, однако многие из них в более позднее время в силу социально-исторических условий, очевидно, были вытеснены словами, заимствованными из русского языка.

Татарские заимствования в восточных финно-угорских языках представлены большим количеством примеров, которые в целом изучены на всех уровнях языка (Л.Ш. Арсланов, Д.В. Бубрих, Н.В. Бутылов, И.С. Галкин, Н.И. Исанбаев, В.К. Кельмаков, К.Е. Майтинская, Б.А. Серебрянников, И.В. Тараканов, Т.И. Тепляшина и др.). Что же касается степени изученности финно-угорских заимствований в татарском языке, то здесь картина иная. Следует отметить, что данный аспект исследован совершенно недостаточно. По данной проблеме в тюркологии и финно-угроведении имеются лишь отдельные публика-

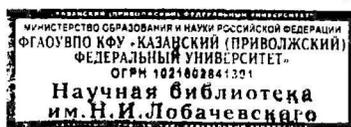
ции в виде научных статей и тезисов, или о них упоминается при изучении тюркизмов в финно-угорских языках.

Актуальность исследования определяется пристальным вниманием современной лингвистики к межъязыковым контактам как к основному принципу развития языков, так и к отдельным корпусам лексики, сфокусировавшим в себе огромный поток историко-культурной информации. Кроме того, исследование функционирования заимствований является одним из перспективных направлений в лингвистике, предоставляющим интересный материал для изучения проблем языка и этноса.

Безусловно, всестороннее изучение финно-угорских заимствований в татарском языке имеет большое лингвистическое и культурно-историческое значение. Общеизвестна роль финно-угорского компонента в формировании татарского этноса. Невозможно отрицать наличие финно-угорских элементов и в татарских диалектах, и в литературном языке, однако уровень этого влияния и роль таких заимствований в формировании словарного состава татарского языка до сих пор специально не были исследованы. Все это определяет недостаточную степень изученности темы и актуальность исследовательской проблемы, заявленной в настоящей диссертации.

Актуальность исследования обусловлена также необходимостью дальнейшей разработки проблем языкового взаимодействия в рамках волго-камского языкового союза, в контексте определения типов языковых контактов в волго-камско-уральском регионе, являющихся результатом взаимодействия и взаимовлияния на протяжении длительного времени тюркских (башкирского, татарского, чувашского) и финно-угорских (марийского, удмуртского, мордовских) языков. Результаты длительных межэтнических контактов, протекающих в условиях конкретного региона, находят отражение в различных языковых формах и, прежде всего – в территориальных диалектах, «консервирующих» иноязычные вхождения (Н.В. Лабунец). В этой связи становится вполне обоснованной необходимостью историко-контактологического исследования заимствованной лексики не только на уровне литературного языка и диалектов, но и отдельных народных говоров, имеющих локальную привязку и определяющих при этом особенность характера языковых контактов в Волго-Камье между отдельными языками. Эта необходимость, очевидно, диктуется и тем, что фактически отсутствует письменная фиксация раннего периода взаимодействия татарского народа с финно-уграми.

Актуальность исследования определяется и тем, что оно ведется в рамках подготовки к изданию академической татарской лексикологии.



В конце XX века в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ была начата работа по систематизации материалов и созданию академической лексикологии татарского языка в девяти томах. Значимое место в рамках данного академического исследования занимает и изучение заимствованной лексики татарского языка.

Таким образом, установлено противоречие между объективной необходимостью системного описания лексических заимствований из финно-угорских языков в татарском языке и отсутствия целостного представления о роли финно-угорских языков в развитии словарного состава татарского языка.

Научная новизна работы определяется тем, что в данном исследовании впервые в татарском языкознании сделана попытка системного монографического описания лексических заимствований из волжских (марийского и мордовских) и пермского (удмуртского) финно-угорских языков в лексической системе татарского языка.

В исследовании, в частности, впервые:

1) представлено теоретическое обоснование необходимости исследования влияния финно-угорских языков на татарский язык в рамках волго-камского языкового союза на основе общетеоретических положений историко-контактологического направления в лингвистике;

2) определены типы языковых контактов тюркских (татарского) и финно-угорских (марийского, мордовского и удмуртского) народов Урало-Поволжья в контексте волго-камского языкового союза;

3) осуществлены систематизация, классификация и историко-этимологический анализ (уже описанных в науке и впервые вводимых в научный оборот) лексических заимствований из марийского, удмуртского и мордовских языков;

4) выявлены особенности лексико-тематических групп и семантического освоения заимствованных лексических единиц в татарском языке.

Объект исследования – языковые контакты татарского и марийского, удмуртского, мордовских народов в волго-камско-уральском регионе. **Предмет исследования** – лексические заимствования из марийского, удмуртского и мордовских языков в татарском языке.

Целью исследования является выборка из различных теоретических, практических и лексикографических источников финно-угорских лексических заимствований в татарском языке, выявление и установление новых лексических единиц, их системная характеристика и классификация. В связи с этим в данной работе использованы термины синопсис и таксономия.

В соответствии с проблемой, объектом, предметом и целью исследования в работе решаются следующие **задачи**:

– выявить особенности языкового взаимодействия тюркских (татарского) и финно-угорских (марийского, мордовского и удмуртского) народов Урало-Поволжья в контексте волго-камского языкового союза;

– рассмотреть проблемы анализа татарской лексики финно-угорского происхождения, описать основные критерии выделения финно-угорских заимствований в татарском литературном языке и его диалектах и выявить аспекты их разграничения.

– осуществить комплексное историко-этимологическое описание лексических заимствований из финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков в татарском литературном языке и в его диалектах;

– выявить и установить особенности функционирования лексических заимствований из финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков в татарских диалектах и литературном языке.

– разработать лексико-тематическую классификацию с определением структуры и объема тематических групп лексических заимствований из финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков в татарском языке.

– определить и описать специфику семантического усвоения лексических заимствований из финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков в татарском языке.

– описать роль различных финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков в развитии и обогащении лексико-семантической системы татарского языка.

Теоретико-методологической основой исследования послужили положения, разработанные в трудах отечественных и зарубежных ученых по общим вопросам языковых контактов, а также теоретическим и практическим аспектам сравнительно-исторического и сравнительно-типологического изучения алтайских и уральских языков (В.И. Абаев, Б.А. Аврорин, Э.М. Ахунзянов, И.К. Белодед, Т.А. Бертагаев, С.К. Булич, И.Е. Гальченко, Б.В. Горнунг, А.А. Дарбеева, Ю.Д. Дешериев, Л.П. Ефремов, Ю.О. Жлуктенко, В.К. Журавлев, В.А. Звегинцев, Т.П. Ильяшенько, А.Б. Карлинский, Дж.Г. Киекбаев, Л.П. Крысин, П.Н. Лизанец, И.М. Махмудов, Г. Пауль, И.Ф. Протченко, В.И. Рассадин, Ю.В. Розенцвейг, А.М. Рот, Б.А. Серебренников, Ф.П. Филин, Э. Хауген, Л.В. Щерба и др.). Фундаментальные предпосылки для нашего исследования имеют работы тюркологов и финно-угроведов по исследованию вопросов взаимодействия тюркских и финно-угорских языков (Л.Ш. Арсланов, Р.Г. Ахметьянова,

Н.В. Бутылов, Ф.С. Баязитова, В.И. Вершинин, И.С. Галкин, Т.М. Гарипов, Ф.И. Гордеев, В.Г. Егоров, Н.И. Егоров, М.З. Закиев, Н.И. Исанбаев, В.К. Кельмаков, Г.В. Лукоянов, В.И. Лыткин, Д.Б. Рамазанова, М. Рясянен, Б.А. Серебренников, Н.В. Тараканов, М.Р. Федотов, А.Г. Шайхулов и др.).

В методологическом плане использован системный подход к анализируемому языковому материалу, сделана, в частности, попытка более целенаправленно исследовать как внутренние и внешние семантические связи заимствованных лексических единиц татарского языка, так и лингвоструктурное и семантическое развитие финно-угорских лексем в неродственной языковой среде.

Методы исследования. Решение поставленных задач обеспечено комплексом взаимодополняющих и взаимопроверяющих методов исследования: контекстуального анализа и лексикографического описания, сопоставительный, сравнительно-исторический, ареально-лингвогеографический, а также качественной и количественной обработки данных. При сборе фактического материала использован метод сплошной выборки лексических единиц из словарей различных типов, а также полевой метод.

Материалом исследования послужили заимствованные лексические единицы из финно-угорских языков (марийского, удмуртского и мордовских языков, отчасти из коми языка, а также финно-угорские слова, заимствованные через посредство русского языка), функционирующие как в татарских диалектах, так и литературном языке, извлеченные из различных типов словарей татарского языка, а также тюркских и финно-угорских языков. Были использованы лексические единицы, представленные в работах Э.Р. Тенишева, Л.З. Залялетдинова, Л.Т. Махмутовой, Н.Б. Бургановой, Д.Г. Тумашевой, Л.Ш. Арсланова, Р.Г. Ахметьянова, Ф.С. Баязитовой, Н.В. Бутылова, В.И. Вершинина, Н.И. Исанбаева, Н.Х. Ишбулатова, С.Ф. Миржановой, Д.Б. Рамазановой, Р.К. Рахимовой, А.Р. Рахимовой, А.А. Саватковой, З.Р. Садыковой, И.В. Тараканова, Т.Х. Хайрутдиновой, О.Н. Бятиковой и др. К анализу были привлечены материалы, собранные автором во время полевых фольклорно-диалектологических экспедиций студентов татарско-русского отделения Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, материалы картотеки отдела лексикологии и диалектологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Межвузовской научно-исследовательской лаборатории «Духовная культура тюркских, монгольских, финно-угорских и индоевропейских (славянских) народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона» Башкирского государст-

венного университета. В качестве иллюстрации и доказательной базы использован выборочный материал из художественной и научно-популярной литературы, публицистики, текстов фольклорных произведений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современная контактология как самостоятельная лингвистическая дисциплина включает в себя целый комплекс научных знаний и позволяет глубже и надежнее раскрывать этнические и языковые процессы, происходившие в Волго-Камско-Уральском этнолингвистическом регионе и сыгравшие важную роль в истории формирования тюркских, финно-угорских и славянских народов Урало-Поволжья в контексте судеб народов Урала и Евразии.

2. Длительное взаимодействие и многовековое соседство тюркских (башкирского, татарского и чувашского) и финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) народов Урало-Поволжья сформировали волго-камский языковой союз как результат этнических и языковых контактов и как результат взаимоотношений и соприкосновений различных материальных и духовных культур, сблизившихся на основе предполагаемого генетического родства.

3. Историко-контактологический аспект исследования лексических заимствований не только на уровне литературного языка и диалектов, но и отдельных говоров, имеющих локальную привязку, способствует определению особенностей характера языковых контактов между отдельными языками в конкретном регионе. Таковыми являются марийские заимствования в заказанской группе говоров среднего диалекта, удмуртские – в нукратовском говоре среднего диалекта и мордовские – в говоре мордвы-каратаев мишарского диалекта татарского языка.

4. Отдельные фундаментальные проблемы формирования волго-камского языкового союза и частные вопросы взаимовлияния и взаимодействия тюркских и финно-угорских языков в Волго-Камско-Уральском этнолингвистическом регионе невозможно решать в отрыве от исследования проблем участия в данном этнолингвистическом процессе славянского (русского) компонента. Так, определение целостной картины формирования словарного состава татарского языка невозможно осуществить только путем изучения проблем этнолингвистических контактов тюркских (татарского) и финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков ввиду сложности самой проблемы выделения заимствованных лексем из этих языков и скудостью уже имеющегося материала по финно-угорским заимствованиям в татарском языке. В связи с этим необходимо исследование

места и роли русского литературного языка и его диалектов в развитии и обогащении лексико-семантической системы и влияния на фонетико-грамматическую систему татарского языка.

5. Типы контактов татарско-финно-угорских языков в Волго-Камье определяется нами как: 1) прямые, т.е. проксимальные; 2) устойчивые, т.е. перманентные; 3) частично внешние, т.е. маргинальные; 4) неродственные; 5) двусторонние. Такие же типы можно определить при татарско-финно-угорском (собственно татарско-марийском, татарско-удмуртском, татарско-мордовских) языковых контактах, результатом которых являются в основном лексические заимствования на основе двустороннего разнопрестижного двуязычия и конвергентно-дивергентного характера их развития. Общим результатом тюркских и финно-угорских языковых контактов в Волго-Камье является образование волго-камского языкового союза.

6. Исторические контакты татарского языка с восточнофинно-угорскими языками в Волго-Камье, отразившиеся в лексических заимствованиях, позволяют установить следующие специфические группы генетических отношений: 1) заимствования из марийского языка; 2) заимствования из мордовских (мокша и эрзя) языков; 3) заимствования из удмуртского языка; 4) слова общепинно-угорского (общие для марийского, удмуртского, мордовских, коми языков) происхождения; 5) слова финно-угорского происхождения, заимствованные в татарский язык через посредство русского языка.

7. Исторические контакты татарского языка с финно-угорскими языками в Волго-Камье, отразившиеся в лексических заимствованиях, позволили выявить следующие формально-семантические типы связей: 1) заимствования финно-угорского происхождения из восточно-финно-угорских языков Волго-Камья (марийского, удмуртского и мордовских языков), сохранившие сильную формально-семантическую связь с соответствующими финно-угорскими словами; 2) слова финно-угорского происхождения, утратившие почти полностью или частично формально-семантическую связь с соответствующими финно-угорскими словами вследствие их адаптации в татарском языке; 3) слова финно-угорского происхождения, заимствованные татарским языком через другие тюркские языки (чувашского и башкирского языков); 4) слова финно-угорского происхождения, заимствованные татарским языком через посредство русского (преимущественно литературного) языка.

8. Татарский язык как один из представителей кыпчакской ветви тюркских языков имеет многочисленные сходные черты с языками финно-угорской языковой семьи в Волго-Камье на всех строевых

уровнях. Тюркское (татарское) влияние на финно-угорские языки проявляется на примере огромного количества материальных и духовных сходжений, охватывающих все основные тематические группы лексики, а также на определенном количестве общих фонетико-грамматических показателей, однако финно-угорское влияние на татарский язык проявляется не настолько глубоко.

Теоретическая значимость. Теоретические положения исследования вносят реальный вклад в разработку теории и практики изучения исторической лексикологии и лингвистической контактологии. Результаты и выводы работы углубляют концептуальные представления о тюркско(татарско)-финно-угорских языковых взаимосвязях.

Практическая значимость выполненного исследования состоит в том, что сформулированные выводы, теоретические положения и анализированный языковой материал диссертации могут быть использованы в исследованиях по исторической лексикологии, двуязычию и языковым контактам дальнего и ближнего родства по структуре языков, в разработке вузовских лекционно-практических курсов по лексикологии и диалектологии татарского языка, при составлении историко-этимологических и диалектных словарей татарского языка. Базовый лексикографический материал может быть использован как часть академической лексикологии татарского языка при исследовании заимствованной лексики. Результаты исследования могут быть применены при сравнительно-историческом и сравнительно-типологическом изучении общих проблем языковых контактов тюркских и финно-угорских народов Урало-Поволжья.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась в отделе лексикологии и диалектологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, результаты нашли отражения в выступлениях и отчетах автора на заседаниях кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, социально-гуманитарного отдела Института прикладных исследований АН Республики Башкортостан. Основные положения работы были изложены автором в более чем 60 докладах, в том числе **на международных (25), на всероссийских с международным участием (2), на всероссийских (18), на региональных (7)** и др. научно-практических конференциях, совещаниях и научных семинарах (8). Отдельные части диссертации были апробированы при чтении разработанных автором лекций и практических курсов («Введение в языкознание», «Татарская диалектология», «Татарская лексикология», спецкурсов «Иноязычная лексика татарского языка», «Этимологические основы татарской литературной и диалектной лекси-

ки»). Материалы исследования внедрены в учебный процесс профессиональной подготовки студентов татарско-русского отделения филологического факультета СГПА им. Зайнаб Биишевой.

Основное содержание диссертации изложено в 9 публикациях в журналах, рекомендованных ВАК, 3 монографиях (одна из них в соавторстве), отдельные положения работы были использованы в более чем 10 учебно-методических изданиях (учебниках для татарских школ Башкортостана, учебных пособиях и учебно-методических материалах для студентов) и нашли отражение в более 50 статьях и тезисах докладов в сборниках и материалах конференций, симпозиумов и семинаров.

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и новизна, определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, теоретико-методологические основы, описаны источники и лингвистический материал, методы их изучения, основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, апробация диссертации.

Первая глава **«Проблемы изучения языковых контактов тюркских и финно-угорских народов Волго-Камья»** состоит из двух разделов, в которых рассматриваются теоретические вопросы языковых контактов применительно к региону Волго-Камья, а также проблемы анализа татарской лексики финно-угорского происхождения.

В четырех параграфах первого раздела **«Вопросы языкового взаимодействия тюркских и финно-угорских народов в Волго-Камье»** на основе теоретических положений зарубежных и отечественных исследователей обосновывается возможность изучения конвергентно-дивергентных процессов в развитии языков с использованием традиционных сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического методов. В первом случае лингвисты имеют дело с языковыми семьями, во втором – языковыми союзами. Это особенно четко проявляется в волго-камском языковом союзе, который можно назвать урало-алтайским языковым союзом в Волго-Камье.

Одним из самых приоритетных направлений в сравнительном языкознании в исследовании проблем взаимоотношений языков является лингвистическая контактология, которая описывает взаимоотношения языков в пространстве и широком культурно-историческом ракурсе, изучает материальные и типологические сходства как ре-

зультаты конвергентных и дивергентных процессов в развитии языков. Сходства, обнаруживаемые между языками, входящими в разные языковые семьи, объясняются не только и не столько генетическим родством языков, объединяемых урало-алтайской гипотезой как результат единого языка-основы, а скорее следствием исторических контактов между ними, результатом взаимовлияний и соприкосновения различных материальных и духовных культур. При этом мы исходим из общеизвестного в лингвистике постулата, что сравнительно-исторический метод не только не исчерпал свои возможности, но и получил дополнительные перспективы развития за счет новых способов изучения языков.

Таким образом, наиболее эффективным в решении вопросов взаимоотношения языков должен стать комплексный подход с применением различных методов в исследовании исторического развития языков. Например, акад. Б.А. Серебренников в свое время подчеркивал, что в задачу исторического изучения языка входит не только восстановление картины его исторического прошлого путем сравнения со словами и формами родственных языков, но также изучение различных инноваций, возникших в период его изолированного существования, и результатов влияния других языков. При изучении истории формирования и динамики языковых союзов исследователь вынужден прибегать к интегрированному использованию всех известных современной лингвистике теоретических принципов, практических приемов и методов анализа репрезентативного эмпирического материала – компаративных, контрастивных, ареальных, контактологических и т.д. (см. работы Ж.К. Туймебаева, Н.И. Егорова, А.А. Чеченова).

В первом параграфе **«Языковые контакты и их многоаспектность»** рассматриваются аспекты проблем языковых контактов, которые непосредственно связаны с объектом исследования и важна для теоретического обоснования отдельных её положений. При этом отмечается определенный разброс мнений как в толковании термина «языковой контакт», так и в определении природы языкового контакта и их типов.

В нашей работе «языковой контакт», как и в современных исследованиях большинства ученых, понимается в широком смысле, когда это языковое явление не ограничивается двуязычием, а охватывает по возможности все явления, относящиеся к данной проблематике, и учитывает все многообразие его форм. В таком понимании языковой контакт – это языковые связи на одном, нескольких или всех лингвистических уровнях, устанавливающихся между родственными или не-

родственными языковыми системами вследствие определенных историко-географических, социально-политических, культурных, психологических и других экстралингвистических факторов. Такое широкое толкование языкового контакта позволяет лингвистам рассматривать его как родовое понятие для обозначения любого вида межязыковых связей, в том числе и двуязычия (А.А. Дарбеева, А.Б. Карлинский, Е.В. Опельбаум, А.М. Рот и др.).

В аспекте исторической контактологии целесообразно рассматривать языковой контакт как устное речевое общение двух (многих) сопредельных коренных этносов (этнических групп), являющееся следствием интенсивных лингвоэтнических, бытовых, хозяйственных и др. отношений. В реальности же, когда осуществляется взаимодействие этнических групп, языковой контакт проявляется как речевой, диалектный (этноречевой, этнодиалектный), складывающийся и развивающийся под влиянием целого ряда факторов лингвистического и внелингвистического характера. Традиционно принято всю область взаимодействия – речь в синхронии, язык в диахронии – обозначать как «языковой контакт». При таком понимании языкового контакта, как это отмечают исследователи, практически всегда – идет ли речь о синхронии и диахронии – мы имеем дело с результатом языкового взаимодействия, проявляющегося, хотя и в разной мере, но на всех языковых уровнях (А.Н. Карлинский, Н.В. Лабунец и др.).

В плане установления типологии языкового контактирования важно выделить два основных параметра классификации – основанных на интерлингвистических критериях и основанных на экстралингвистических критериях. Несмотря на различия при выделении типов языковых контактов и смешение их с определением результатов, можно, таким образом, в общих чертах представить их следующие основные типы: 1) по способу установления контакта – прямой, т.е. проксимальный, и опосредованный, т.е. дистантный; 2) по длительности и устойчивости – казуальный, т.е. временный, и перманентный, т.е. устойчивый; 3) по территориальному размещению контактирующих языков – маргинальный, т.е. внешний, и внутрирегиональный, т.е. внутренний; 4) по генетической и структурной близости – контакты неродственных языков, родственных языков и близкородственных языков; 5) по последствиям протекания контактов – с односторонними и двусторонними воздействиями; 6) по степени участия ярусов языковой системы; 7) по степени языкового взаимопроникновения – скрещивание и слияние; 8) по характеру или функциональному статусу контактирующих единиц (языков или диалектов) – междиалектный, наддиалектный, контакты литературного языка с

диалектами и контакты литературных языков; 9) по характеру и типу двуязычия контактирующих коллективов – равноправный и равнопрестижный и др. (ср.: А.А. Белецкий, Н.В. Лабунец, П.Н. Лизанец, Е.В. Опельбаум и др.).

Подобная неоднозначная типология объясняется еще и тем, что взаимодействие языков, как определяют исследователи, относится к таким явлениям, где сплетаются факторы лингвистические, психологические, социальные, этноисторические и др. Разумеется, в специальном исследовании ученый имеет право сосредоточить свое внимание на одном, выделенном им круге вопросов и их чисто лингвистическом анализе.

На характер и содержание, а в последующем – и на результаты татарско-финно-угорских контактов в Волго-Камском регионе существенное влияние оказывали исторические условия взаимодействия этих языков. Можно допустить, что не всегда и не везде (на всей территории взаимодействия) эти контакты были такими и что языковая ситуация в разные периоды развития взаимоотношений этих народов были различными. На основе различных типов языковых контактов и известных их особенностей определяются типы татарско-финно-угорских языковых контактов в Волго-Камье.

Во втором параграфе «**О волго-камском языковом союзе**» на основе исследований отечественных лингвистов анализируется состав языков, входящих в волго-камский языковой союз (ВКЯС), территория распространения, а также гипотетические положения о времени его формирования (начало языковых контактов тюркских и финно-угорских народов в Волго-Камье).

Идея существования ВКЯС выдвинута и развита Б.А. Серебренниковым. Контуры этого языкового союза ещё более отчетливо вырисовываются в последующих исследованиях отечественных тюркологов Л.Ш. Арсланова, Р.Г. Ахметьянова, Ф.С. Баязитовой, Н.Б. Бургановой, Н.З. Гаджиевой, Т.М. Гарипова, В.Г. Егорова, Н.И. Егорова, М.З. Закиева, Н.Х. Ишбулатова, Дж.Г. Киекбаева, В.Г. Лукоянова, Н.Х. Максютовой, К.Е. Майтинской, Л.Т. Махматовой, С.Ф. Миржановой, Д.Б. Рамазановой, Л.П. Сергеева, М.Р. Федотова, Т.Х. Хайрутдиновой, А.Г. Шайхулова и др.; финно-угроведов В.И. Алатырева, Н.И. Бутылова, И.С. Галкина, Ф.И. Гордеева, Л.П. Грузова, Н.И. Исанбаева, Д.Е. Казанцева, В.К. Кельмакова, В.И. Лыткина, Р.Ш. Насибуллина, И.В. Тараканова, Т.И. Тепляшиной, А.П. Феоктистова, Д.В. Цыганкина и др. Накопленные научные факты позволили более решительно высказаться о существовании, особенностях и границах ВКЯС.

Таким образом, ВКЯС как термин, служащий для обозначения языкового союза тюркских (башкирского, татарского, чувашского) и финно-угорских (марийского, мордовского, удмуртского) языков в Среднем Поволжье и Приуралье, стал общепринятым в лингвистической литературе. Отдельные аспекты этого союза могут быть восполнены и уточнены в результате изучения финно-угорских заимствований в татарском языке.

В третьем параграфе «**Субстрат, суперстрат и адстрат**» определена сущность названных понятий с точки зрения характеристики языковых контактов татар с финно-уграми в Волго-Камье.

Понятие субстрат включает в себя совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории. Субстрат, в отличие от заимствования, предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения через стадию двуязычия. Субстратом может быть язык как родственный языку-победителю, так и неродственный. Явления субстрата проявляются на любом уровне языковой системы либо в виде вошедших в язык единиц и категорий.

Субстратные влияния тюркских языков на финно-угорские языки, а также некоторые следы финно-угорского языкового субстрата в чувашском и татарском языках выявлены в трудах Б.А. Серебrenникова, Н.И. Исанбаева, Т.И. Тепляшиной и др. Лингвистическое осмысление термина субстрат, согласно нашим материалам, может быть применено, в частности, по отношению к мордовским заимствованиям в татарском языке, которые обнаруживаются в говоре мордвы-каратаев, представляющих собой небольшую отатарившуюся часть мордовского населения. Их говор относится к мишарскому диалекту татарского языка. При этом, около 75 % мордовских слов, зафиксированных в татарском языке, употребляются в говоре мордвы-каратаев, более 2/3 из которых относится к терминам родства и свойства.

Совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и объясняемых как результат растворения в данном языке пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением, определяется в лингвистике термином суперстрат. Суперстрат, как и субстрат, выявляется прежде всего в фонетике и грамматике, в меньшей степени в лексике, где оба вида языкового влияния трудно отграничить от заимствований.

Явление суперстрата проявляется у представителей этноса бесермян. Хотя в вопросе этногенеза бесермян нет единого мнения,

большинство исследователей склоняются к тому, что они являются потомками древнебулгарского населения, принявшими ислам, а впоследствии ассимилированными удмуртскими племенами и усвоившими от них в Прикамье удмуртский язык (М.Г. Атаманов, М.З. Закиев, Т.И. Тепляшина и др.).

Совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контакта народов, говорящих на этих языках, в языковедении принято обозначать термином адстрат. Это нейтральный тип языкового взаимодействия, при котором не происходит этническая ассимиляция и растворение одного языка в другом; адстратные явления образуют прослойку между двумя самостоятельными языками. По мнению С.А. Мызникова, адстрат традиционно рассматривается как живое взаимовлияние языков в равновесной системе. При нарушении равновесия один из языков может дать материал для субстрата, другой – для суперстрата. Однако не всегда при нарушении этого равновесия, на наш взгляд, могут возникнуть явления субстрата или суперстрата. Например, соприкосновение татарского и марийского языков невозможно считать равновесным, т.к. влияние татарского языка проявляется в большей степени и на всех языковых уровнях, тогда как марийского – очень слабо, и в основном на уровне лексики. При всем этом явления субстрата или суперстрата в татарском языке не проявляются.

В частности, взаимодействие татарского языка с марийским, мордовскими (мокша, эрзя) и удмуртским языками на лексическом уровне, возможно, может быть воспринято как адстратное явление.

В четвертом параграфе **«Займствование и его виды. Займствованное слово и лексическое займствование»** рассматриваются такие понятия как «займствование» и связанные с ним термины, а также определяется понятие «финно-угорское займствование» в татарском языке.

В лингвистической литературе нет однозначного определения понятия «займствование», его типов и видов. В большинстве работ займствование рассматривается как элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой.

Исходя из этого, исследователи выделяют следующие виды займствования: 1) займствование слова (наиболее типичный случай займствования); 2) займствование фонемы (наиболее редкий и частный случай, зависящий от степени контактов двух языков); 3) займствование морфемы (обычно в составе слова; выделение морфемы про-

исходит при наличии словесного ряда, характеризующегося единством общего значения составляющих его слов и повторяемостью какого-либо структурного элемента); 4) синтаксическое заимствование, или структурно-синтаксическое, когда конструирование фраз в языке испытывает влияние иноязычных синтаксических конструкций; 5) семантическое заимствование (появление в слове значения «под давлением» иноязычного образца – калькирование) (Л.П. Крысин).

Принимая во внимание, что татарско-финно-угорские языковые контакты в Волго-Камье нами квалифицируются в основном как внешние, а их основные результаты – как лексические заимствования, мы в дальнейшем (при употреблении терминов заимствование, заимствованное слово, заимствованные лексемы) будем иметь в виду исключительно лексическое заимствование. Аналогичное осмысление данного термина наблюдается и у других авторов.

В связи с этим под понятием «финно-угорские заимствования» в татарском языке в широком смысле нами подразумеваются лексические заимствования финно-угорского происхождения (из марийского, удмуртского и мордовских языков): 1) сохранившие сильную многоаспектную формально-семантическую связь с соответствующими словами в языке источнике; 2) утратившие почти полностью или частично формально-семантическую связь с соответствующими финно-угорскими словами вследствие их адаптации в татарском языке; 3) заимствованные в татарский язык через посредство чувашского и башкирского языков; 4) заимствованные в татарский язык через посредство русского языка.

Во втором разделе **«Проблемы анализа татарской лексики финно-угорского происхождения»** первой главы в параграфе первом **«О критериях выделения финно-угорских заимствований в татарском языке и их разграничении»** определены критерии выделения в татарском языке лексики финно-угорского происхождения. В связи с тем, что указанные лексические единицы полностью (фонетически и грамматически) освоены татарским языком, при их сепарации из словарного состава татарского языка мы основывались на принципах этимологического анализа заимствованной лексики.

Одним из критериев выделения финно-угорских заимствований в словарном составе татарского языка может быть признано наличие их в тюркских языках Волго-Камья и отсутствие в других тюркских языках. Безусловно, необходимо учесть возможность и того, что некоторые лексемы могут быть реликтами урало-алтайской эпохи. При этом нельзя исключить и то, что отдельные финно-угризм могут проникать в другие тюркские языки, во-первых, через сами тюркские языки

Волго-Камья, во-вторых, через посредство других, т.е. неродственных языков, имевших те или иные контакты с этими языками.

Другим критерием определения особенностей финно-угорских лексем в татарском языке может быть обозначен как семантический, впервые выделенный в трудах таких известных алтаистов, как В.И. Цинциуса, С.Е. Яхонтова и др., впоследствии успешно использованный В.И. Рассадным при исследовании лексики алтайских языков с целью установления степени родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Примечательно, что в материалах исследования имеются отдельные лексемы, отнесенность которых к финно-угорским или к тюркским языкам вызывает определенные сомнения, тем более в научной литературе они в большинстве своем определены или как тюркизмы, или как финно-угризмы. В подобных случаях нами допускается, что здесь вполне могло иметь место и обратное заимствование.

В генетическом разграничении финно-угорских заимствований в татарском языке и определении отнесенности их к конкретным финно-угорским языкам мы исходили из лингво-географических критериев, и поэтому посчитали возможным определить их в следующей парадигматике, распределяя на такие группы, как лексические заимствования: 1) из марийского языка; 2) из удмуртского языка; 3) из мордовских (мокша и эрзя) языков; 4) из других финно-угорских языков (например, из коми языка); 5) общефинно-угорского происхождения; 6) финно-угорского происхождения, заимствованные через посредство русского языка. При этом заметим, что группы 4, 5, 6 нами рассматриваются в составе групп 1, 2, 3.

Полагаем, что именно на основе предлагаемого подхода анализ языкового материала позволяет наиболее полно и обоснованно отнести абсолютное большинство лексем к той или иной вышеуказанной группе. Например, около 75 % мордовских (мокша, эрзя) заимствований в татарском языке приходится на говор мордвы-каратаев. Наибольшее количество слов мордовского происхождения используются в говорах мишарского, меньше – в говорах среднего диалектов. Более 80 % удмуртизмов зафиксировано в нукратовском говоре среднего диалекта татарского языка. Мариизмы больше всего обнаруживаются в говорах среднего диалекта татарского языка, контактирующих с пограничными марийскими говорами. В среднем диалекте больше всего мариизмов обнаруживается в группе говоров Заказанья, а в мишарском диалекте употребляется лишь несколько собственно марийских слов.

В словарном составе татарского языка встречаются также лексические единицы, рассматриваемые нами как общие финно-угорские

заимствования, география распространения которых не дает возможности соотнести их с определенным финно-угорским (марийским, мордовским, удмуртским) языком: они зафиксированы в большинстве татарских говоров, функционирующих в контактных зонах, а отдельные – являются общенародными лексемами.

Этимологический анализ позволяет установить, что около 20 финно-угорских слов являются заимствованными в татарский язык через посредство русского языка. Большинство из них относятся к рыболовству (*камбала; кареш; кета; килька; корюшка; кумжа; мойва; муксун; навага; палтус; тинагор; пыжьян; салака; сёмга; нэрэтэ; морда* и др.). В татарском языке эти слова являются в основном нормативными единицами. Лишь несколько лексем представлены в других тематических группах (*кэли; киңкә; лавса; мул*) и являются диалектными.

В татарском языке зафиксировано несколько лексических единиц, которые определены нами как заимствования из коми языка (*мэнтэш; лэште; өнчөрө; ужин; түни*). Важную роль при разграничении этих лексических единиц играет то, что эти слова зафиксированы в татарских народных говорах, функционирующих в возможных контактных зонах с коми языком, а также факт их употребления в сибирско-татарских диалектах. При этом надо заметить, что имеются примеры, когда в татарском языке мариизмы и удмуртизмы связаны с общепермскими или коми основами.

Таким образом, лингво- и ареально-географические критерии, наряду с другими, являются, на наш взгляд, достаточно репрезентативными при разграничении финно-угорских заимствований в татарском языке.

Во втором параграфе **«К вопросу о финно-угорских заимствованиях в восточном диалекте татарского языка»** при исследовании финно-угорского заимствований в татарском языке отдельно ставится вопрос о языковых контактах сибирских татар с финно-угорскими народами, поскольку в формировании материальной и духовной культуры сибирских татар финно-угорское влияние занимает особое место.

На этноязыковые контакты сибирских татар с финно-угорскими народами в разное время обращали внимание многие исследователи сибирско-татарских диалектов (Д.Г. Тумашева, Х.Ч. Алишина, Р.С. Барсукова, Ф.Т. Валеев, Б.Ф. Валеев, Л.В. Дмитриева, С.М. Исхакова, А.Х. Насибуллина, Г.Н. Ниязова, Д.Б. Рамазанова, А.Р. Рахимова и др.). Имеются научные исследования, позволившие сформулировать одну из гипотез, согласно которой древнейшей прародиной финно-угров является Западная Сибирь (Р.Г. Кузеев, П. Хайду, А.Х. Халиков и др.).

В усвоении заимствованных слов восточным диалектом татарского языка имеются существенные отличительные особенности по сравнению с другими (средним и мишарским) диалектами и татарским литературным языком. Мы исходим из того, что финно-угорские заимствования в восточном диалекте отличаются от заимствований в среднем и западном диалектах и литературном татарском языке не только условиями проникновения, особенностями языкового усвоения и качественно-количественной характеристикой, но также и источниками языкового контактирования. Если говоры среднего и западного диалектов татарского языка контактировали с мордовскими (мокша и эрзя), марийским и удмуртским, в древности – отчасти с коми языками, то восточный диалект – с сибирскими финно-угорскими (обско-угорскими – мансийским и хантыйским) и с коми языками.

Финно-угорские заимствования в восточном диалекте татарского языка, равно как вопросы этногенетических контактов сибирских татар с финно-уграми, до сих пор не стали объектом специального исследования. Для наглядности нами проанализированы отдельные финно-угорские заимствования в восточном диалекте: *маса* «конопля»; *каләгә* «брюква»; *миләч* «рябина»; *мочор*, *мыңыр* «рябина», *мышыр* «рябой»; *мәнтәш* «быстро гниющий (о дереве)», «гниль дерева (как лекарство при ранениях)»; *терге* «молодая сосна»; *кәреш* «стерлядь»; *ләрге* «гольян»; *муқсыл* «муksун»; *пыжъян* «вид лосося»; *мышы* «олень»; *пистер* «корзина»; *лап айақ* «плоскостопие»; *ләте* «осадок на дне масла, керосина»; *ләште / нәште* «глина, ил на дне реки» и т.п.

Удельный вес финно-угорских заимствований в среднем и западном диалектах среди иноязычной лексики татарского языка небольшой, эта особенность, возможно, характерна и для восточного диалекта. При этом необходимо отметить, что некоторые названные лексические единицы наблюдаются во всех трех диалектах татарского языка, в связи с этим нельзя отрицать возможность и того, что некоторые лексемы могли попасть в восточный диалект через носителей среднего и западного диалектов, факт участия которых в формировании отдельных групп сибирских татар давно установлен. Отметим, что абсолютное большинство вышеуказанных единиц употребляются и в башкирском языке и его говорах. Безусловно, детальное рассмотрение данной проблемы позволит дать ответ на многие вопросы формирования лексики восточного диалекта татарского языка.

Вторая глава **«История изучения финно-угорских заимствований в татарском языке»** посвящена обзору источников и анализу научной литературы по исследуемой теме. Несмотря на имеющиеся в татарском языкознании исследования (Дж. Валиди, Л.З. Залялет-

динов, Л.Т. Махмутова, Н.Б. Бурганова, Э.Р. Тенишев, Л.Ш. Арсланов, Р.Г. Ахметьянов, Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Р.К. Рахимова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайретдинова и др.), финно-угорские заимствования в татарском языке не получили детального и специального системного изучения.

Анализ указанных источников позволил сделать вывод о том, что по данной проблеме в тюркологии имеются лишь отдельные публикации. Несмотря на то, что в них отмечается важность исследования тюрко-татарских и финно-угорских этнолингвистических контактов и приводятся интересные примеры, факты взаимодействия этих языковых групп, в целом отсутствует системный подход к изучению данной проблем. Большинство исследований ограничивается лишь постановкой проблемы на основе анализа отдельных лексических единиц без глубокого их историко-этимологического изучения. В них нет четкого разграничения финно-угорских заимствований по историко-генетическим пластам. Некоторые трактовки отдельных лексем требуют критического рассмотрения на основе более широкого круга источников, так как без этого невозможно установить четкие критерии определения финно-угорских заимствований в татарском языке. В учебниках и монографиях по татарской лексикологии при анализе формирования словарного состава татарского языка указываются на наличие финно-угорских заимствований в лексической системе, но при этом ограничиваются лишь перечислением нескольких примеров.

При изучении тюркских и финно-угорских языковых контактов исследователями больше внимания уделяется выявлению общих признаков, например, общей лексики материальной и духовной культуры, характерной для этих языков, или же изучению тюрко-татарских заимствований в финно-угорских языках (в марийском, удмуртском, мордовских языках). Проблема финно-угорского влияния на формирование лексической системы татарского и башкирского языков все ещё оставалась за рамками исследований ученых. В этом отношении изучение финно-угорских заимствований в чувашском языке, на наш взгляд, продвинулось вперед гораздо дальше (Г.В. Лукоянов, М. Рясянен, М.Р. Федотов и др.).

Наиболее полный список финно-угорских заимствований в татарском языке, прежде всего из марийского и удмуртского, представлен в исследованиях Л.Ш. Арсланова, Н.И. Исанбаева, И.В. Тараканова, но, к большому сожалению, использующих в основном одни и те же языковые факты. Материалы по финно-угорским заимствованиям можно почерпнуть из историко-этимологических и лексикографических работ Р.Г. Ахметьянова, В.И. Вершинина, Ф.И. Гордеева, В.Г. Егорова,

М.Р. Федотова, В.И. Лыткина, В.И. Гуляева и др. Этот материал частично представлен в исследованиях татарских диалектологов.

Данные источники в целом могут стать фактологической базой для системного исследования, что и позволило нам наметить общие направления изучения финно-угорских заимствований в татарском языке.

Глава третья **«Историко-этимологические основы финно-угорских заимствований в татарском языке»** посвящена анализу марийских, удмуртских и мордовских заимствований в татарском языке.

В первом разделе **«Марийские заимствования в татарском языке»** представлен историко-этимологический анализ мариизмов и рассмотрены особенности марийско-татарских языковых контактов. Татарский язык из восточных финно-угорских языков наиболее интенсивно контактировал с марийским языком. Большинство тюркологов и финно-угроведов справедливо отмечают, что марийский язык – это один из волжских финно-угорских языков, испытавший наиболее сильное влияние тюркских языков. Причем это влияние обнаруживается как на фонетико-грамматическом, так и на лексико-семантическом уровнях (Б.А. Серебренников, И.С. Галкин, Ф.И. Гордеев, Н.И. Исанбаев, Л.Ш. Арсланов и др.). По мнению Б.А. Серебренникова, марийский язык представляет собой своеобразный калейдоскоп черт и особенностей, которые, с одной стороны, оказываются пережитками периода финно-угорской общности, с другой стороны, являются новообразованиями, возникшими под влиянием тюркских языков.

Марийских заимствований в тюркских языках немного. Так, М. Ряснен выделяет в чувашском языке более 50 слов, бесспорно, по его мнению, заимствованных из марийского языка, и более 50 слов, общих для этих языков. М.Р. Федотов в словарь марийско-чувашских заимствований включает 247 слов, которые отличаются как от чувашских и татарских заимствований в марийском языке, близких по своим фоносемантическим признакам к общетюркским формам, так и от других родственных финно-угорских слов настолько, что в ряде случаев трудно, а иногда и вовсе невозможно установить их генетическую принадлежность.

Л.Ш. Арсланов и Н.И. Исанбаев выделили в татарском языке около 70 слов, заимствованных из марийского языка. При этом они отмечают, что в марийском и татарском языках имеется немало общих лексем, источник которых остается неясным, и большое количество сложных слов и составных терминов, созданных по единому образцу.

В татарском языке нами зафиксировано около 100 лексических единиц, заимствованных из марийского языка. В это число входят также лексемы от общих марийско-удмуртских, марийско-мордовских и марийско-удмуртско-мордовских лексических параллелей, которые нами подробно рассматриваются в первом разделе четвертой главы.

Из общего количества марийских заимствований в татарском языке более половины, как свидетельствуют наши материалы, употребляются в говорах среднего диалекта татарского языка. При этом заметим, что в среднем диалекте мариизмы больше всего обнаруживаются в группе говоров Заказанья и, отчасти, Нагорной стороны. Здесь же наблюдаются интересные факты дифференциации лексем по употреблению как в говорах Заказанья, так и в говорах Нагорной стороны. Например, в заказанских говорах среднего диалекта употребляются: *алабай* «ромашка (непахучая)» (тат. *ала* + мар. *вуй* «голова», «колос»); *бэлчэ* «кисть, гроздь», «плодоножка», «колос овса или проса» (мар. *велше* «осыпавшийся»); *жэен* «сухожилие, пищевод» (мар. *шун* «жилы», «резинка», удм. *сён* «жила, сухожилие»); *лыбы* «сумка, сделанная из липовой коры» (мар. *лупо* «куча хвороста, валежника»); *нэште* «слой красноватой глины» (мар. *нэнчэ* «грязь, глина, ил»; ср. коми. *няша* «илистое отложение на лугах»); *онго* «кольцо серпа или косы» (мар. *онго* «кольцо, петля», удм. *угы* «серьга»; ср. фин. *онки* «удочка»); *тэнкел* «стул, табуретка» (мар. *тенгыл* «скамейка»; *шуйэк* «шутник; обманщик» (мар. *шая* «речь», «молва», «рассказ», «предложение, краткое сообщение», «пустой разговор, вымысел», *шоя* «небылица, вымысел», *шояче* «лгун, врун, лжец»); *шылан* «хвощ иловатый» (мар. *шылан*, удм. *шилан* «хвощ болотный»); *ыштыр* «онуча, обмотка, портянка» (мар. *ыштыр*, удм. *ыштыр*) и др. Данные факты имеют важное значение в связи с тем, что большинство исследователей тюркско-марийских языковых контактов также отмечали интенсивность взаимодействия татарского и марийского народов в зоне распространения татарских говоров Заказанья (Б.А. Серебrenников, Н.И. Исанбаев, Л.Ш. Арсланов и др.).

В нагорной группе говоров среднего диалекта татарского языка зафиксировано меньше мариизмов, чем в заказанских говорах, например, *бүкән* «табуретка» (мар. *пүкен* «стул»; удм. *пукон* «стул, табуретка»; коми. диал. *пукан* «стульчик»); *игэрче* «мелкие хлебцы, лепешка», «хлебец для подаяния» (мар. *эгэрче*, *эгэрцы* «пресная лепешка»); *кесийэ* «синица» (мар. *кёсиа*, *киса*, *кёса*, *кысиа*, удм. *киса* «синица»); *кушанқы* «жук» (мар. *котшанге* «жук», *капшанқы* «жук», «козявка», «букашка»); *шүберле* «бесноватый; злой дух» (мар. *шүгарла*

«могильный дух; кладбище»; *шугар* «могила, кладбище») и др. И только *курыс*, *куры* «лыко» употребляется как в лаишевском говоре, так и камско-устьинском говоре среднего диалекта.

Необходимо отметить также активность употребления некоторых мариизмов в говорах крещеных татар: *бутыш*; *сурэка*; *шылык* и др.

Большое количество марийских заимствований употребляется также в периферийных (маргинальных) приуральских говорах среднего диалекта татарского языка: *маке*; *кугыл*; *қыбры*; *қышаннак*; *лабра*; *ләпэк*; *лыпыш*; *нор*; *печтер*; *пошый*; *терке*; *шэмкэ*, *шэмкәлек* и др.

Итенсивное взаимовлияние периферийных говоров татарского и марийского языков наблюдалось и ранее, продолжает существовать и сегодня. Если в татарских маргинальных говорах влияние марийских наречий ограничивается лексическими заимствованиями, то татарское влияние отразилось на восточномарийских говорах как на лексическом, так и на фонетико-грамматическом уровнях.

Можно отметить, что лугомарийские и восточномарийские говоры контактировали в основном с говорами среднего диалекта татарского языка, и следы этих контактов нашли отражение в языковом материале.

В говорах же мишарского диалекта марийских слов зафиксировано меньшее количество (*вэке*, *вэке*; *мошко*, *мышкы*; *мышы*, *моши*; *ныжы*, *неже*; *пыкыш*; *энежы*). Даже в тех приуральских говорах мишарского диалекта (например, в байкибашевском), которые, с одной стороны, тесно связаны с периферийными говорами марийского и удмуртского языков, с другой, с говорами среднего диалекта татарского языка и говорами башкирского языка, испытавшими определенное влияние говоров этих финно-угорских языков, невозможно указать на какие-то ощутимые результаты этого взаимодействия. Мы можем только предположить, что в данном случае определенный отпечаток накладывает сильный и притом достаточно консервативный характер мишарского жизненного уклада, который проявляется в подчеркнутом стремлении сохранить традиционную самобытность своего народа в тех населенных пунктах, где мишари составляют моноэтническую среду.

Из проанализированных лексических единиц в словарном составе татарского языка употребляются такие апеллятивы, которые рассматриваются нами как общие финно-угорские приобретения: 1) финно-угорские заимствования, которые одновременно имеют параллели в марийском, мордовских, удмуртском, изредка, и в коми языках: *лап*, *ләтшү*, *кэрэз*, *мэшкэ*, *млэш*, *мошко*, *мөжсө* / *өмөжсө*, *лапас* и др.; 2) финно-угорские заимствования, которые одновременно имеют параллели в марийском, удмуртском, изредка, и в коми языках: *алан*, *букан*, *зый*, *курыс*,

ләңгәз, нәрәтә, нор, поши, соса, төш, шылан, ылыс, ыштыр и др.; 3) финно-угорские заимствования, которые одновременно имеют параллели в марийском и мордовских языках: *дегәшкэй, пыкыш*.

Через русский в татарский язык заимствовано лишь несколько марийских слов (*нәрәтә; морда*). Большинство мариизмов, зафиксированных нами в словарном составе татарского языка, имеют параллели в чувашском и башкирском языках.

Второй раздел **«Удмуртские заимствования в татарском языке»** посвящен историко-этимологическому анализу удмуртизмов и установлению особенностей удмуртско-татарских языковых контактов. Большинство тюркологов и финно-угроведов справедливо отмечают, что удмуртский язык – один из волжских финно-угорских языков, испытавший, как и марийский, сильное влияние тюркских языков не только на уровне лексики, но и на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. По мнению Б.А. Серебренникова, удмуртский язык испытал заметное влияние камско-булгарского, а позднее татарского языка, что отразилось не только на лексике, но и на грамматическом строе удмуртского языка. Тюркские языки способствовали, с одной стороны, приобретению удмуртским языком таких особенностей, которые не встречаются в других финно-угорских языках, слабо или никогда не подвергавшихся влиянию тюркских языков; с другой стороны, – именно тюркские языки способствовали сохранению некоторых типологических однородных особенностей, сложившихся в общепермскую эпоху.

Характерные для татарского языка и его отдельных говоров лексические и фонетико-грамматические особенности, как отмечают финно-угроведы, обнаруживаются и в большинстве говоров удмуртского языка, находящихся в контактных зонах с татарскими говорами (В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин, И.В. Тараканов и др.). Поэтому изучение удмуртско-тюркских языковых контактов, взаимодействия удмуртского и татарского языков, в частности, имеет, как нам кажется, важную роль в исследовании и реконструкции этноязыковых процессов в Волго-Камье.

Удмуртское влияние на татарский язык не настолько сильно, как татарского на удмуртский. В татарском языке нами зафиксировано более 100 удмуртизмов. Среди них имеются лексемы от общих удмуртско-марийских, удмуртско-мордовских, удмуртско-марийско-мордовских лексических параллелей.

Из проанализированных нами лексических единиц лишь около 20 являются общеупотребительными татарскими словами, которые зафиксированы в толковых и двуязычных словарях (*алан; зый; көбәк*,

күбәк; кукамай; лапас; миләш; мурда; пилмән; поши; сәрдә; соса; төш; шакшы; шылан; ыштыр; ылыс).

Степень употребления этих лексем разная, большинство из них сегодня относится к пассивной лексике и помечены в различных типах нормативных словарей как устаревшие слова. Некоторые из них имеют в говорах (в основном среднего диалекта) диалектные эквиваленты, различающиеся по фонетическим, словообразовательным или семантическим особенностям, как диалектные в словарях помечены также *дигәшкәй* диал. «взрослый гусёнок; гусь» (удм. *диго, дигонь* «гусыня; гусёнок»; ср. морд. э. *дига* (поэт.), *дыга, карел. дыга*, селькуп. *тека* «гусь»); *курыс* «лыко» (удм. *кур*, коми *кыр, кырсь*. мар. *кур.*, *кыр, кур, кыр* «луб, лубок, кора дерева»); *пима* «валяные башмаки» (удм. *тим, тими* «пимы (меховые сапоги)»; ср. коми *тим, тими* «сапоги с высокоими голенищами из оленьей шкуры», коми-перм. *пими* «пимы») и др. Эти слова, являясь общефинноугорскими по происхождению, имеют параллели в марийском языке, реже – в мордовских языках.

Из общего количества удмуртских заимствований в татарском языке абсолютное большинство лексем употребляется в нукратовском говоре среднего диалекта татарского языка: *бугур; быры; геби; гомо; зебет; зәлкә; йуж; йумал; кал'ага; кел; келем; қозағыз; қотқузы; қотор; қошо; қужылы; қыжылы; қуқчалау; қурғид; қусыл; қучқуқ; қышон; лағыр; л'акыт; л'әп; лого; мажис; мис; мес; мыры; нашмак; нергә; нор; нурды; өнчөрө; папа; паршип'; патре; пешник; пи; пигун; порни; пугриж; пуйы; пут; пуштурын; пучы; пыды; пыртос; пыры; пышни; сайқыт; саламат; сәүрә; сирәк, серек; сүбәт; сүпрәс; тибәт; туж; чүнәри; шелеп; шужы; шура* и др.

В нукратовском говоре среднего диалекта татарского языка количество удмуртских заимствований, возможно, намного больше, чем указано выше. В нашей работе не привлекались к анализу лексические единицы, отношение которых к удмуртскому языку требует дополнительного изучения.

Носители нукратовского говора – чепецкие татары проживают в бассейне р. Чепцы (верхний приток р. Вятки – тат. *Нократ, Нохрат елга*) в более чем 40 населенных пунктах. Многовековое соседство с удмуртским народом, а также наслаивание в разные периоды истории разноэтнических и лингвистических пластов отразилось на формировании своеобразного говора татарского языка, определяемого как говор среднего диалекта. Подговоры его, хотя и имеют некоторые отличительные особенности, и лингвистически, и географически, и исторически, очень близки друг к другу (Н.Б. Бурганова, Ф.С. Баязитова).

В научной литературе нет однозначного мнения о происхождении и формировании причепецких татар. Одни исследователи считают их результатом проникновения на территорию, прилегающего к р. Вятка, ранних тюрков с востока (А.Х. Халиков); другие – прямыми потомками волжских булгар (П.М. Сорокин, А. Рахим, Г.В. Юсупов); третьи, хотя и не исключают в формировании этнической основы чепецких татар древнебулгарских племен, однако считают, что решающее значение в их этнической истории имели золотоордынские татарские роды (М.А. Усманов, Р.Н. Степанов, Е.П. Казаков) (Р.Г. Мухамедова). Сохранение одних и тех же сходных черт и с бесермянами, и с нукратовскими татарами является особенностью данного региона (Ф.С. Баязитова, Р.К. Уразманова).

Удмуртские заимствования в других говорах среднего диалекта обнаруживаются в ограниченном количестве: в заказанской группе говоров – *бәпчек / бәбәк; жәен; кечтун көн; мәрәшкә; пучы; чыжым; в* нагорной группе говоров – *кесийә; лангәз; нәрәтә, мәрәтә, мәрәшкә.*

Определенное количество удмуртских заимствований употребляется в маргинальных говорах среднего диалекта татарского языка, которые в основном функционируют в приуральском регионе: *жәен / йен; калигә; мал'; меле; мөжө, өмөжө; туйыз* и др.

Примечательным, на наш взгляд, является то, что удмуртские слова не представлены в говорах мишарского диалекта. Слово *лангәз* (мишар. *лангәз / лангәц / элангәц*), возможно, заимствовано в говоры мишарского диалекта из марийского языка через говоры среднего диалекта. А слово *мошко* (мишар. *мошко / мышкы, сары мошко / кыр мошкосы*) заимствовано в говоры мишарского диалекта из мордовских языков. Слова *нәрәтә, мәшкәкләү* могли проникнуть в стерлитамакский говор из мензелинского говора среднего диалекта татарского языка. Этими же причинами, возможно, объясняется функционирование общеупотребительных слов *миләш, пошый, сәрда, пима* в отдельных говорах мишарского диалекта.

Большинство удмуртских заимствований, выделенных нами в словарном составе татарского языка, имеют параллели в чувашском и изредка – башкирском языках.

Третий раздел **«Мордовские (мокша и эрзя) заимствования в татарском языке»** посвящен историко-этимологическому анализу мордовских лексических заимствований в татарском языке и установлению особенностей мордовско-татарских языковых контактов. По справедливому мнению многих исследователей, мордовские языки по своим особенностям довольно значительно отличаются от остальных финно-угорских языков волго-камского ареала. Например,

Б.А. Серебренников это явление объясняет тем, что мокша и эрзя в своем историческом прошлом находились в некоторой изоляции и не были затронуты процессами языкового взаимодействия финно-угорских и тюркских языков, имевших место в районе Волго-Камья. Влияние тюркских языков – чувашского и, до некоторой степени, татарского – отразилось на мордовских языках, но в значительно меньшей степени, чем в марийском языке.

В татарском языке нами зафиксировано около 100 лексических единиц из мордовских языков. Большинство зафиксированных в словарях татарского языка лексем, имеющих отношение к мордовским языкам, являются характерными и для других финно-угорских языков Волго-Камья. При этом ни одно из этих слов не входит в состав нормативной лексики татарского языка. Степень употребления этих лексем разная, некоторые из них сегодня относятся к пассивному составу лексики и помечены в различных типах нормативных словарей как устаревшие слова. Многие из них имеют в говорах диалектные эквиваленты, различающиеся фонетическими, словообразовательными или семантическими особенностями, например, *баса, лапас, ләпшү, миләш, пәеч* и др.

Из лексических единиц, рассматриваемых нами как общие финно-угорские приобретения, в мордовских языках представлены следующие слова: *дегәшкәй, лап, мәте, мәшкә, миләш, мошко*.

Из общего количества мордовских заимствований в татарском языке более двух третей употребляются в говорах мишарского диалекта татарского языка, гораздо больше – в говоре мордвы-каратаев: *аба; аван'и, аваня; ад'а, аджа, әджә; ака; акыл'и, акыли; ал'а; ат'акыш; аука; бугин'ай, дугинай; важи; верәш; вырав; дуги; кифтай; кумадун; куқунай; қырдыны, кырдыи; қытсас'; лавсә, лавча, ылауча; ләлә; ләпәнә; мазай; мазинай; мазнас, мазнас', мазнач; паз, баз; пака-рач; пәндәрвә; пукмар, покмәр; пусча, пуча; пытырман; сав; тәтә; удава, уд'ава; уку; уцакай, утсакай; ученбаи; үчәләй; чүрәле; чыткыс'; шава; шәнчек; ыразныс'; ышшаба, ышцаба, шаба; эшшенә, эшценә; эстернәч, эстернәс', эстерняс* и др.

Учитывая, что большинство мордовских заимствований в татарском языке функционируют в говоре мордвы-каратаев, в контексте нашего исследования невозможно обойти вопрос о формировании этноса носителей этого говора.

Мордва-каратаи – своеобразная небольшая этнографическая группа татар, проживающая в трех селениях Камско-Устьикинского района Республики Татарстан: Мордовских Каратаях, Шершалане и Заовражных Каратаях. По профессиональной принадлежности они

являются носителями православной веры и некоторые ученые рассматривают их как крещеных татар. Их говор относится к мишарскому диалекту татарского языка. В исторической, этнографической и лингвистической литературе вопрос об их происхождении окончательно не решен. Большинство исследователей сходятся во мнении, что этнически мордва-каратаи принадлежат всё-таки к мордве-мокше. Они ассимилировались тюрко-татарами и приняли их язык, а раннее принятие христианства обеспечило возможность сохранения основных черт мордовской материальной и духовной культуры (Л.Т. Махмутова, Л.Ш. Арсланов, Р.Г. Ахметьянов и др.).

Если учесть, что мордовская лексика в говоре мордвы-каратаев является реликтом родной мордовской речи, то этот пласт заимствований в татарском языке необходимо определить как субстратный. Это положение, на наш взгляд, кардинально меняет отношение к количественному составу мордовской лексики в татарском языке.

В других говорах мишарского диалекта татарского языка зафиксировано лишь небольшое количество мордовской лексики: *ат'акыш*; *божу* / *быжу* / *пожу* / *пыжу*; *каркеш*; *қойғорош*; *макшу*; *мошко*; *нарву* / *нарву*; *ты'рн'у* / *порн'у*; *пази* / *пачы* / *пажи* / *пэжи*; *пэңге*; *тизел*; *покмáр* / *пукмар* / *пот'мáр* / *пут'мáр* / *пупмар* / *пут'мáр*; *пукыл'* / *пукел* / *пукил*; *пыкыш*; *прамыи*; *чакан'а*; *чирахман* и др.

Из приведенного списка слов видно, что большинство этих лексем, во-первых, связано не только с мордовскими языками, но и имеют параллели в марийском и удмуртском языках; во-вторых, эта лексика проникла в говоры среднего диалекта, возможно, через говоры мишарского диалекта.

В говоры же среднего диалекта мордовские слова проникли меньшим количестве. Таковыми, очевидно, являются лишь несколько лексем, характерные для маргинальных говоров среднего диалекта татарского языка: *қумта* / *қунта*; *мэшкэ* и др.

Некоторые мордовские лексические заимствования татарского языка имеют параллели в чувашском и башкирском языках, поэтому отдельные проанализированные лексические единицы, связываемые нами с мордовскими языками, могут быть и в татарском языке, а также в других выше указанных случаях – вторичными заимствованиями. Однако таких параллелей среди мордовских заимствований татарского языка сравнительно меньше, чем среди марийских и удмуртских заимствований.

В четвертой главе «**Лексико-тематические и семантические особенности финно-угорских заимствований в татарском языке**», состоящей из двух разделов, рассматриваются тематические группы

финно-угорских заимствований в татарском языке и особенности семантической освоенности заимствованных лексем в лексико-семантической системе татарского языка.

В первом разделе **«Лексико-тематические особенности финно-угорских заимствований в татарском языке»** проанализирована заимствованная лексика финно-угорского происхождения по определенным лексико-тематическим группам. Это дает возможность выявить степень и особенности влияния контактирующих языков в различной области жизнедеятельности, так как определенная тематическая группа лексики выступает как показатель важнейших социально-исторических процессов, происходящих в ходе этнического и социального формирования народа. Изменения же культурно-экономических условий жизни влияют на состав определенной тематической группы, поэтому на выявление лексико-тематических и семантических особенностей при изучении заимствований обращается особое внимание в исследованиях зарубежных и отечественных лингвистов.

За основу нашей классификации частично приняты схемы, используемые в татарской лексикологии (Ф.С. Фасиев, А.Г. Шайхулов). По своим лексико-семантическим признакам финно-угорские заимствования в татарском языке нами разделены на четыре большие когнитивные сферы (группы): Природа, Человек, Общество и Познание.

Сопоставительный лексико-тематический анализ финно-угорских заимствований в татарском языке с татарскими заимствованиями в марийском, удмуртском и мордовском языках, осуществленный в исследованиях М. Рясянена, Г.В. Лукоянова, Д.Е. Казанцева, М.Р. Федотова, Н.И. Исанбаева, Л.Ш. Арсланова, Н.В. Бутылова и др., позволяет выявить следующую особенность: финно-угорские слова в татарском языке представлены в количественном отношении в меньших тематических группах, чем татаризмы в марийском, удмуртском и мордовских языках.

Среди заимствований в татарском языке отсутствуют, например, слова, относящиеся к ряду таких областей хозяйственной деятельности человека, как животноводство, земледелие, товарно-денежные отношения, названия лиц по роду деятельности и социальному положению, слова, относящиеся к области образования и культуры, государственного строительства и т.п. В малом количестве зафиксированы географическая терминология и понятия космогонии, названия атмосферных явлений и др. В представленных в татарском языке тематических группах количество заимствованной финно-угорской лексики является ограниченным. К ним относятся в основном отдельные наименования растений и диких животных, птиц, рыб, бытовая лексика, названия пищи и одежды; слова, относящиеся к

сика, названия пищи и одежды; слова, относящиеся к человеческому организму, внутреннему и внешнему виду человека; термины мифологии и обрядов. Все это свидетельствует о степени влияния марийского, удмуртского и мордовских языков на татарский язык.

Во втором разделе **«Семантические особенности финно-угорских заимствований в татарском языке»** анализируются особенности семантического освоения финно-угорских слов в словарном составе татарского языка.

Важнейший признак заимствованного слова – это семантическая самостоятельность, отсутствие дублетных синонимических отношений с исконными словами языка, которые определяют функциональную активность слова, регулярность его употребления в речи (Л.П. Крысин), поэтому установление особенностей семантического освоения заимствований, наряду с фонетической и грамматической, имеет важное значение при изучении языковых контактов.

Специальных исследований особенностей семантического освоения финно-угорских заимствований в тюркских языках, в частности в татарском языке, нет. Семантическая освоенность тюркизмов в марийском, удмуртском и мордовских языках рассмотрены в трудах Н.И. Исанбаева, И.В. Тараканова, Н.В. Бутылова и др. С учетом результатов этих исследований нами выделены следующие особенности семантической освоенности финно-угорских заимствований в татарском языке: 1) освоенные без изменения семантики; 2) сузившие свое значение; 3) расширившие свою семантику; 4) претерпевшие перенос наименования; 5) развившие значения, не свойственные им в языках-источниках.

Мы солидарны с выводами исследователей в том, что в процессе освоения финно-угорских заимствований в словарном составе татарского языка произошли в основном те же семантические изменения, которые были характерны при освоении татаризмов в марийском, удмуртском и мордовском языках. Разница, на наш взгляд, проявляется лишь в активности отдельных семантических изменений и в их количественном соотношении в той или иной лексической единице.

Корреляция исходных и приобретенных значений финно-угризм в татарском языке позволяет нам определить следующие наиболее характерные семантические особенности марийских, удмуртских и мордовских заимствований в татарском языке:

1. Наименования конкретных предметов, относящихся преимущественно к хозяйственной и бытовой лексике, флоре и фауне, сохранили основные первоначальные значения этимонов. Эти лексические единицы в татарском языке выполняют в речи назывную, в ос-

нове терминологическую функцию. Также сохранение первоначального этимона характерно для мордовских терминов родства в говоре мордвы-каратаев, что связано с их субстратным характером.

2. Перенос наименования одних предметов и явлений на другие были обусловлены их метафоризацией и метонимизацией, за счет чего финно-угорские слова на татарской почве могут приобрести, наряду с исходным значением, дополнительное переносное значение. Это может происходить как с конкретными, так и с абстрактными понятиями.

3. Сужение объема значений финно-угризмов происходит тогда, когда многозначные финно-угорские слова заимствуются только в том значении, в котором нуждается заимствующий язык в данный момент, т.е. семантический объем многозначного слова в преобладающем большинстве случаев остается полностью не освоенным. При этом возможны случаи заимствования слова в прямом (основном) значении этимона, а переносные значения как бы остаются за пределом процесса освоения или, наоборот, переносные значения могут доминировать в процессе освоения. Сужение объема значения этимона происходит также и тогда, когда процесс заимствования сопровождается конкретизацией или появлением новых оттенков в заимствующем языке на основе незначительного переосмысления значения прототипа.

4. Те или иные указанные выше особенности могут проявляться в разной степени и в зависимости от освоения его литературным языком или отдельными диалектами и их говорами. Поскольку слова, заимствованные из финно-угорских языков, в татарском языке в основном являются диалектными, в некоторых случаях они в семантическом отношении отличаются большой вариативностью и своей эмоционально-экспрессивной окрашенностью.

5. Большинство заимствованных из удмуртского и мордовских языков слов локализовано на ограниченной территории – в причепецком регионе Удмуртской Республики в нукратовском говоре и в Камско-Устьикинском районе Республики Татарстан в говоре мордвы-каратаев. Семантическая наполняемость их в языке-источнике перенесена в говоры татарского языка практически в полном объеме.

6. Семантически удмуртизмы татарского языка в большинстве своем имеют параллели в марийском языке и более близки по значению к марийским словам, чем с заимствованиями из мордовских языков. В то же время большинство удмуртских слов в отличие от мариизмов, освоены в татарском языке в своем прямом значении, но в меньшем объеме, чем в языке-источнике.

В **Заключении** сформулированы выводы и подведены итоги диссертационного исследования, которые в основном сводятся к следующему:

1. В сравнительном языкознании в исследовании проблем взаимоотношений языков одним из приоритетных направлений является лингвистическая контактология. Она позволяет глубже и надежнее раскрывать этнические и языковые процессы, происходившие в Волго-Камско-Уральском этнолингвистическом регионе, сыгравшие огромную роль в истории формирования тюркских, финно-угорских и славянских народов Урало-Поволжья и повлиявших на судьбы народов Евразии.

2. Языковой контакт понимается нами в широком смысле, когда это явление не ограничивается двуязычием, охватывает, по возможности, все явления, относящиеся к данной проблематике, и учитывает все многообразие его форм. Такое широкое толкование языкового контакта позволяет рассматривать его как родовое понятие для обозначения любого вида межъязыковых связей, в том числе и двуязычия.

3. Длительное взаимодействие и многовековое соседство тюркских (башкирского, татарского и чувашского) и финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) народов Урало-Поволжья привело к формированию волго-камского языкового союза, как следствие тысячелетних этнических и языковых контактов, происходивших в Волго-Камско-Уральском этнолингвистическом регионе между языками, входящими в урало-алтайскую языковую семью, как результат многоаспектных и многоступенчатых взаимоотношений и соприкосновений различных материальных и духовных культур, сблизившихся на основе не только контактного, но и вполне возможного генетического родства.

4. Волго-камский языковой союз определяется как ареальная общность тюркских (башкирского, татарского и чувашского) и финно-угорских (марийского, мордовского и удмуртского) языков, сложившаяся в давнем прошлом и продолжающая функционировать сегодня на основе длительных и интенсивных контактов этих языков на основе двустороннего разнопрестижного двуязычия и конвергентного развития в волго-камско-уральском регионе.

5. Исторические контакты татарского языка с финно-угорскими языками в Волго-Камье, отразившиеся в лексических заимствованиях, позволили выявить следующие формально-семантические типы связи: 1) лексические заимствования финно-угорского происхождения из восточнофинно-угорских языков Волго-Камья (марийского, удмуртского и мордовских языков), сохранившие сильную формально-

семантическую связь с соответствующими финно-угорскими словами; 2) слова финно-угорского происхождения, утратившие почти полностью или частично формально-семантическую связь с соответствующими финно-угорскими словами вследствие их адаптации в татарском языке; 3) слова финно-угорского происхождения, заимствованные в татарский язык через другие тюркские языки (преимущественно, из чувашского и башкирского языков); 4) слова финно-угорского происхождения, заимствованные в татарский язык через посредство русского (преимущественно литературного) языка.

6. Татарско-финно-угорских языковые контакты в Волго-Камье можно определить как: 1) прямые, т.е. проксимальные; 2) устойчивые, т.е. перманентные; 3) частично внешние, т.е. маргинальные; 4) неродственные; 5) двусторонние; 6) междиалектные; 7) разнопрестижные.

7. В усвоении заимствованных слов восточным диалектом имеются существенные отличительные особенности по сравнению с другими (средним и мишарским) диалектами татарского языка и татарским литературным языком. Если говоры среднего и западного диалектов татарского языка контактировали с мордовскими (мокша и эрзя), марийским и удмуртским, в древности отчасти с коми языками, то восточный диалект – с сибирскими финно-угорскими языками и с коми языками. В связи с этим языковые контакты сибирских татар с финно-угорскими языками должны быть объектом специального исследования.

8. Вопросы взаимодействия татарского и марийского, удмуртского и мордовских языков, в частности, изучение лексических заимствований из этих языков в татарском языке, являются важной составляющей общей проблемы исследования языковых контактов тюркских и финно-угорских народов в Волго-Камье в рамках волгокамского языкового союза.

9. Результаты исследования показывают, что в словарном составе татарского языка функционирует около 300 слов, определяемых нами как заимствования из финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков. Среди них имеются лексемы от общих марийско-удмуртских, марийско-мордовских, марийско-удмуртско-мордовских лексических параллелей. Из них около 30 лексических единиц употребляются в литературном языке и они зафиксированы в толковых и двуязычных словарях татарского языка. Степень употребления этих лексем разная, большинство из них сегодня относятся к пассивному составу лексики и помечены в различных типах нормативных словарей как устаревшие слова. Многие из них имеют в говорах (в

основном, среднего диалекта) диалектные эквиваленты, различающиеся по фонетическим, словообразовательным или семантическим особенностям.

Большинство марийских и удмуртских слов, вошедших в словарный состав татарского языка, имеют параллели в чувашском и, частично, в башкирском языках.

Количество марийских, удмуртских и мордовских слов, проникших в татарский язык, небольшое по сравнению с татаризмами в финно-угорских языках, однако эти слова указывают на древние и длительные тесные культурно-экономические связи татар с марийцами, удмуртами и мордвой (мокша и эрзя). Финно-угорские языки оказали влияние на формирование и обогащение словарного состава татарского языка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНО В ПУБЛИКАЦИЯХ

В изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарских названиях фауны // Вопросы филологии. – М., 2006. – № 6. – С. 306–313.
2. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарских названиях флоры // Вопросы филологии. М., 2007. – № 4. – С. 317–325.
3. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарских названиях одежды // Искусство и образование. – М., 2008. – № 7. – С. 67–72.
4. Насипов И.С. О заимствованных терминах мифологии в кыпчакских языках Урало-Поволжья // Искусство и образование. – М., 2008. – № 10. – С. 167–172.
5. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в говорах крещеных татар // Искусство и образование. – М., 2009. – № 7. – С. 166–171.
6. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в бытовой лексике татарского языка // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». – Казань, 2009. – Т. 151. – Кн. 3. – С. 190–198.
7. Насипов И.С. О мордовских заимствованиях в татарском языке // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2009. – № 4. – С. 44–47.
8. Насипов И.С. О марийских заимствованиях в татарском языке // Вестник Чувашского университета. Сер. «Гуманит. науки». – Чебоксары, 2009. – № 4. – С. 248–254.
9. Nasipov I.S. Some terms of the Tatar mythology // Oriental Languages and Cultures. – Cambridge, 2008. – 15 p.

В монографиях

10. Гаффарова Ф.Ф., Насипов И.С., Рамазанова Д.Б. Сравнительно-историческое исследование системы лексико-тематических групп татарского языка. – Уфа: Гилем, 2007. – 296 с. (17,2 п.л., авторские 165 с. – 10,4 п.л.).

11. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке. – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2009. – 228 с. (13,2 п.л.).

12. Насипов И.С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2009. – 236 с. (14,75 п.л.).

В учебно-методических изданиях

13. Пятаева Н.В., Насипов И.С. Введение в теорию языка: Учебно-терминологический словарь для студентов. – Стерлитамак: СГПИ, 2001. – 170 с. (10 п.л.).

14. Насипов И.С. Татарская диалектология: Учебно-методические материалы для студентов. – Стерлитамак: СГПИ, 2003. – 184 стр. (5,1 п.л.). (На татар. яз.).

15. Насипов И.С. Татарская диалектология. Библиографический справочник. – Стерлитамак: СГПИ, 2004. – 156 с. (9,4 п.л.). (На татар. яз.).

16. Пятаева Н.В., Насипов И.С. Введение в теорию языка: Учебное пособие: Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию МОиН РФ. – Стерлитамак: СГПА, 2007. – 208 с. (12,3 п.л.).

17. Насипов И.С., Вагапов Н.Х. Татарский язык: Учебник для 9 класса татарских школ Башкортостана. – Уфа: Китап, 2007. – 200 с. (12,5 п.л.). (На татар. яз.).

18. Насипов И.С. Татарская диалектология: Программы и учебно-методические материалы. – Стерлитамак: СГПА, 2007. – 76 с. (4,4 п.л.). (На татар. яз.).

19. Насипов И.С. Введение в языкознание: Программы и учебно-методические материалы. – Стерлитамак: СГПА, 2007. – 36 с. (2,0 п.л.). (На татар. яз.).

20. Насипов И.С. Древние языки: Программы и учебно-методические материалы: В 2-х ч. – Стерлитамак: СГПА, 2008. – Ч. 1. – 88 с. (5,1 п.л.). (На татар. яз.).

21. Пятаева Н.В., Насипов И.С. Введение в теорию языка: Учебное пособие: Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию: Изд. 2, исправ. – Стерлитамак: СГПА, 2009. – 208 с. (12,3 п.л.).

22. Насипов И.С., Вагапов Н.Х. Татарский язык: Учебник для 9 класса татарских школ Башкортостана: Изд. 2-ое, переработ., исправл. – Уфа: Китап, 2009. – 200 с. (12,5 п.л.). (На татар. яз.).

В других изданиях

23. Шайхулов А.Г., Насипов И.С. Соотношение базисной лексики и общего словарного фонда // Чувашский язык и алтаистика: Сб. ст.– Чебоксары, 1995.– С. 21–22.

24. Насипов И.С. Татарские говоры на территории Республики Башкортостан // Давлетшинские чтения: Инновационные процессы в изучении и преподавании литературы. Материалы науч. конф. 30-31 мая, 1997, г. Бирск. – Бирск: БирГПИ, 1997. – С. 19–22.

25. Насипов И.С. К вопросу о чувашских заимствованиях в татарском языке // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура. Тез. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летию Чувашской Республики (22 июня 2000 г.) – Чебоксары, 2000. – С. 307–309.

26. Насипов И.С. Русские заимствования в произведениях татарского устного народного творчества // Тюркологический сборник: Материалы Междунар. тюркологической конф. «Языки и литература тюркских народов: история и современность». – Елабуга: ЕГПУ, 2004. – Вып. 2. – С. 36–39.

27. Ахметьянов Р.Г., Насипов И.С. К вопросу взаимодействия татарского и чувашского языков // Актуальные проблемы чувашского языка и литературы. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: СГПА, 2004. – С. 32–44.

28. Насипов И.С. Краткий обзор источников по удмуртским заимствованиям в татарском языке // Актуальные проблемы татарского языка и литературы. Сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: СГПИ, 2004. – Ч. 1. – С. 87–101.

29. Насипов И.С. К постановке вопроса о финно-угорских заимствованиях в татарском языке // Проблемы развития татарской нации (языковой, литературно-фольклорный и искусствоведческие аспекты). – Казань: Фэн, АН РТ, 2004. – С. 98–106.

30. Насипов И.С. Некоторые проблемы изучения и преподавания татарской диалектологии // Актуальные вопросы татарского языкознания. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, 2005. – Вып. IV. – С. 85–93.

31. Насипов И.С. О некоторых отличительных особенностях усвоения заимствованных слов в сибирско-татарских диалектах // Сулеймановские чтения – 2005: Материалы VIII межрегиональной на-

уч.-прак. конф. (г.Тобольск, 12-13 мая 2005 г.). – Тюмень: Экспресс, 2005. – С. 103–105.

32. Насипов И.С. Некоторые особенности русских заимствований в татарских беитах // Сулеймановские чтения – 2005. Материалы VIII межрегиональной науч.-прак. конф. (г. Тобольск, 12-13 мая 2005 г.). – Тюмень: Экспресс, 2005. – С. 105–106.

33. Насипов И.С. Из истории изучения финно-угорских заимствований в кыпчакских языках Урало-Поволжья // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы Всерос. конф. (1-5 июня 2005 года). – Уфа: Гилем, 2005. – С. 450–453.

34. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия // Тез. секционных докл. X Междунар. конгресса финно-угроведов: II часть. Лингвистика: – Йошкар-Ола: Марийск. ун-т, 2005. – С. 113–114.

35. Насипов И.С. Об изучении русских заимствований в татарском языке в контексте лингвокультурологии // Язык и культура в поликультурном пространстве: Материалы регион. науч.-прак. конф. – Вып. 2. – Бирск: БирГСПА, 2005. – С. 93–98.

36. Насипов И.С. Этноязыковая ситуация в южном регионе Республики Башкортостан // Актуальные проблемы обучения татарскому языку в русской школе: Материалы II респуб. науч.-прак. конф. – Казань: ТГТТУ, 2005. – С. 122–130.

37. Насипов И.С. Русские заимствования в терминах родства и свойства в татарском языке // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии: Всерос. науч. конф. с междунар. участием: Материалы докл. и сообщ. в 2-х т. – Стерлитамак: СГПА, 2006. – Т. I. – С. 26–27.

38. Насипов И.С. Русские лексические заимствования в татарских говорах Южного Приуралья // Народное слово в науке о языке: Материалы Всерос. науч. конф. г.Уфа, 12-13 апреля 2006 г. – Уфа: БашГУ, 2006. – С. 208–215.

39. Насипов И.С. О лексико-тематических группах финно-угорских заимствований в кыпчакских языках Урало-Поволжья // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Проблемы языка и этноса на рубеже веков». – Чебоксары: ЧГПУ, 2006. – Т. III. – С. 216–223.

40. Насипов И.С. Обратные заимствование из русского в татарском языке // Актуальные проблемы филологии и филологического образования: Тр. Всерос. науч. конф. (27 марта 2006 г., г. Стерлитамак). – Уфа: Гилем, 2006. – С. 61–66.

41. Насипов И.С. Исследования Н.Ф. Катанова как источники по истории кыпчакских языков Урало-Поволжья // Восток в исторических судьбах народов России: Тез. докл. V Всерос. съезда востоковедов, 26-27 сентября 2006 года. – Уфа: Вили Окслер, 2006. – Кн. 2. – С. 92–94.

42. Насипов И.С. Особенности усвоения заимствованных слов в диалектах татарского языка // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: Матер. науч.-прак. конф. Тюмень, 11 октября 2005 г. В 2-х ч. – Тюмень: Тюм.ГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 181–183.

43. Насипов И.С. Некоторые проблемы современной татарской лексикологии // Тюркология: история и современность. К 85-летию со дня рождения академика Э.Р. Тенишева: Материалы Всерос. тюркологического симпозиума. – Казань: ТГГПУ, 2006. – С. 88–91.

44. Насипов И.С. Об обратных заимствованиях в татарском языке // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Междунар. науч.-прак. конф. (Казань, 23-24 июня 2006 г.): Тр. и материалы. В 2-х т. – Казань: Мастер Лайн, 2006. – Т. II. – С. 83–85.

45. Насипов И.С. Исследования Н.Ф. Катанова как источники по татарской диалектологии // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Докл. и сообщ. Междунар. науч. семинара, 30 июня-1 июля 2005 г. – Казань, 2006. – С. 79–81.

46. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарском языке (лексико-тематическая группа «Человек») // Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии: Науч. журнал. – Бирск: БирГСПА 2006. – Вып. 9. – С. 96–102.

47. Насипов И.С. Обратные заимствования из русского в кыпчакских языках Урало-Поволжья // Тр. Стерлитамакского филиала Академии наук Республики Башкортостан. Серия «Филологические науки». – Уфа: Гилем, 2006. – Вып. 2. – С. 62–67.

48. Насипов И.С. К вопросу о финно-угорских заимствованиях в сибирско-татарских диалектах // Занкиевские чтения: Материалы Всерос. науч.-прак. конф. (г. Тобольск, 6-7 апреля 2007 г.). – Тобольск: ТГПИ, 2007. – С. 141–145.

49. Насипов И.С. О некоторых терминах мифологии татарского языка // Восточные языки и культуры: Материалы I Междунар. науч. конфер. (Москва, 23-23 ноября 2007 г.). – М.: РГГУ, 2007. – С. 58–62.

50. Насипов И.С. О некоторых русских лексических заимствованиях в татарском языке // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: Материалы

междунар. науч.-прак. конф. (6-7 ноября 2007 г.): В двух томах. – Оренбург: ОГПУ, 2007. – Т. I. – С. 111–117.

51. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в обрядовой терминологии татарского языка // Проблемы диалогизма словесного искусства: Сб. материалов Всерос. (с междунар. участием) научно-прак. конф., посв. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России и Году русского языка (18-20 октября 2007 г.). – Стерлитамак: СГПА, 2007. – С. 53–56.

52. Насипов И.С. О мордовском слове *куйгорож* в кыпчакских языках Урало-Поволжья // Филологическая наука конца XX – начала XXI вв.: проблемы, опыт исследования и перспективы: Материалы Всерос. науч.-прак. конф., посв. 75-летию проф. Л.Ш. Арсланова. – Елабуга: ЕГПУ, 2007. – С. 177-182.

53. Насипов И.С. О соотношении заимствованных слов в диалектах и татарском литературном языке // Проблемы филологии народов Поволжья: Межвузовский сб. науч. ст. – Москва-Ярославль: Ремдер, 2007. – Вып. 1. – С. 23–28.

54. Насипов И.С. О хозяйственных терминах финно-угорского происхождения в кыпчакских языках Урало-Поволжья // Идел-Урал регионьнда туган тел һәм әдәбиятларның яшәеше: Бөтенрус. фәнни-гамәли конф. материаллары: Татар әдәбияты классигы Гаяз Исхакийның 130 еллыгына багышлана. – Уфа: БГПУ, 2008. – С. 204–211.

55. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарских терминах хозяйственной деятельности человека // Сулеймановские чтения: Материалы XI Всерос. науч.-прак. конф. «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке» (16-17 мая 2008 г.). – Тобольск: ТГПИ, 2008. – С. 160–165.

56. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарских названиях хозяйственных построек // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы межвуз. науч.-прак. конф. – Бирск: БирГСПА, 2007. – Вып. 4. – С. 42–46.

57. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в названиях одежды в кыпчакских языках Урало-Поволжья. I // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всерос. тюркологической конф., посв. 110-летию со дня рождения Н.К. Дмитриева (Уфа, 27-28 июня 2008 года). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – Т. I. – С. 159–163.

58. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в названиях орудий труда и инвентаря татарского языка // Проблемы филологии народов Поволжья: Межвуз. сб. науч. ст. – Москва-Ярославль: Ремдер, 2008. – Вып. 2. – С. 107–110.

59. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в названиях одежды в кыпчакских языках Урало-Поволжья. 2 // Актуальные проблемы филологии и методики ее преподавания в вузе и в школе: Материалы Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. участием, посв. 55-летию филологического факультета (20-21 ноября 2008 г.). – Елабуга: ЕГПУ, 2008. – С. 278–283.

60. Насипов И.С. Некоторые татарские оценочные слова финно-угорского происхождения // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: преемственность поколений: Материалы Междунар. науч.-прак. конф., посв. 80-летию академика М.З. Закиева и 10-летию кафедры татарской и чувашской филологии (18-20 сентября 2008 г.). – Стерлитамак: СГПА, 2008. – С. 192–195.

61. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в названиях пищи татарского языка // Исследования языков народов Российской Федерации в свете новых лингвистических парадигм: теория и практика: Тр. Всерос. науч. конф. (1 октября 2007 г., г. Стерлитамак). – Уфа: Гилем, 2008. – С. 62–70.

62. Насипов И.С. О некоторых финно-угорских заимствованиях в татарских народных названиях растений // Проблемы филологии народов Поволжья: Материалы Всерос. науч.-прак. конф. (19-21 марта 2009 г.). – М.-Ярославль: Ремдер, 2009. – Вып. 3. – С. 110–114.

63. Насипов И.С. О некоторых русских лексических заимствованиях в татарском языке // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Междунар. конф. «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посв. 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (27-28 февраля 2009 г.). – В 2-х ч. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – Ч. 2. – С. 42–44.

64. Насипов И.С. О некоторых финно-угорских заимствованиях в терминологии татарского фольклора // Актуальные проблемы современной фольклористики: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (29 июня 2009 г.). – Казань: Алма-Лит, 2009. – С. 125–127

65. Насипов И.С. Особенности финно-угорских заимствований в татарском языке // V Междунар. научн. конф. «Язык, культура, общество» (24-27 сентября 2009 г.): Тез. докл. – М.: РАН, РАЛН, МИИЯ, Вопросы филологии, 2009. – С. 44–45.

66. Насипов И.С. О некоторых особенностях тюрко-татарских и финно-угорских языковых контактов // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: Междунар. науч. конф., посв. юбилею проф. В.И. Рассадина (11-13 ноября 2009 г., г. Элиста). – Элиста: Калмыцкий ун-т, 2009. – С. 135–137.

67. Насипов И.С. Роль русского языка в процессе заимствования татарским языком финно-угорских лексем // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (9-12 ноября 2009 г.). – Элиста: Калмыцкий ун-т, 2009. – С. 76–77.

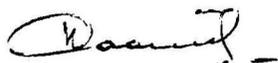
68. Насипов И.С. Об источниках по мордовским заимствованиям в татарском языке // Сулеймановские чтения – 2009. Национальное образование и диалог культур в полиэтничном пространстве. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (29-30 мая 2009 г.). – Тобольск: ТГПИ, 2009. – С. 119–120.

69. Насипов И.С. О некоторых особенностях финно-угорских заимствований в татарском языке // Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов. Сохранение и развитие родных языков и культур в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию БашГУ (2-5 декабря 2009 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – Т. III. – С. 125–128.

70. Насипов И.С. О некоторых финно-угорских заимствованиях в татарских названиях флоры (дополнительные материалы) // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Междунар. конф. «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посв. 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (27-28 февраля 2009 г.). – В 2-х ч. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – Ч. 2. – С. 45–46.

71. Насипов И.С. Об общефинно-угорских заимствованиях в татарском языке // Филологическое образование: история, современность, перспективы (Бишевские чтения): Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 9 декабря 2009 г., г.Стерлитамак. – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2009. – С. 246–250.

72. Насипов И.С. О семантических особенностях марийских заимствований в татарском языке // Филологические науки: современность и перспективы (II Бишевские чтения): Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. Году учителя в Российской Федерации и 70-летию Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, 14 мая 2010 г., Республика Башкортостан, г.Стерлитамак: В 2-х ч. – Ч. 2: Проблемы изучения и преподавания языков. – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2010. – С. 227–232.



10 -

Насипов Илшат Сахиятуллович

**ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ:
СИНОПСИС И ТАКСОНОМИЯ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 02.08.2010 г.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Тираж 120 экз. Заказ № 242 / 10

Отпечатано в полиграфическом участке Стерлитамакской государственной
педагогической академии им. Зайнаб Бишевой по адресу:
453103, Стерлитамак, пр. Ленина, 49